

К 70-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА А. М. ПАНЧЕНКО
(1937—2002)

Ю. М. ПРОЗОРОВ

Слово об Александре Михайловиче Панченко

Вспоминая Александра Михайловича Панченко, нельзя не задуматься о том, что в его поколении, поколении еще предвоенном, люди такой внутренней значительности и таких духовных сил, как он, находили и почитали за честь находить свое осуществление в филологии, в науке о литературе. Новые поколения склонны и, может быть, вынуждены искать себя уже на иных поприщах, а если кто-то из нынешних молодых почувствует, говоря словами Грибоедова, «жар к искусствам творческим, высоким и прекрасным», он, конечно, должен будет испытать немало сомнений разной степени тяжести. А. М., кстати, не раз говорил, что одной из самых ужасных особенностей современной эпохи является то, что молодые люди, испытывающие нормальное побуждение учиться, растерялись. Эти наблюдения вполне соответствуют реалиям сегодняшнего дня, тем более что они сделаны человеком, для которого учение было единственно правильной формой проживания молодости и которому ученость и самая разносторонняя образованность принадлежали как естественные атрибуты зрелости. Он непринужденным образом олицетворял собой ту культурную традицию, которую питали первоисточники Древней Руси и в недрах которой понятие просвещенности сохраняет корневую связь с метафорой света, а «книга приравняется к иконе».¹ Филологической же науке, которой служил А. М. Панченко, он придавал, как крупная и совершенно неординарная личность, своего рода персоналистическую масштабность, персоналистическую окрашенность, а за счет этого и особую притягательность.

Биография А. М. Панченко складывалась по преимуществу на академических путях, и в области академической науки он, «трудник слова», если воспользоваться формулой не чуждого ему литературного барокко, достиг высоких степеней. Библиографический итог трудам заслуженного академика подводит вышедший отдельным изданием в 2007 г., к его 70-летней годовщине, указатель,² в котором с исчерпывающей полнотой зарегистрированы три с половиной сотни публикаций ученого: статей, книг, эдиционно-текстологических трудов, интервью и бесед, иных пе-

¹ Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой // Панченко А. М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 309.

² См.: Александр Михайлович Панченко. 1937—2002 / Сост., автор вступ. статьи С. И. Николаев. М., 2007 (РАН. Материалы к биобиблиографии ученых. Литература и язык. Вып. 32).

чатных выступлений. При этом все, кто знал А. М., знают и то, что в академической среде он стоял особняком, более того, не вполне соответствовал распространенным представлениям о типе академического ученого. И дело здесь заключалось не только в некоторой его отстраненности от кабинетных форм жизни и творчества.

Признавая и почитая науку как необходимую и важнейшую форму познания и освоения мира, А. М. Панченко ревностно ею занимался и сумел не просто создать ряд глубоких исследований по истории русской культуры, но и совершить научные открытия целых культурно-исторических материков, каким было, к примеру, открытие русского стихотворства и вообще писательской культуры XVII столетия (серия работ 1960—1970-х гг., интегрированных в монографии «Русская стихотворная культура XVII века», 1973). Вместе с тем в более поздних сочинениях, и в немалой степени в книге «Русская культура в канун петровских реформ» (вышедшей первым изданием в 1984 г. и впоследствии неоднократно переиздававшейся), а равно и в статьях, лекциях и беседах 1980—1990-х гг. обнаружила себя и та особенность творческой индивидуальности А. М. Панченко, в соответствии с которой он испытывал не меньшее, чем к науке, доверие к непосредственному опыту, к здравому смыслу, к житейскому разумению частного человека, даже к тому, что не без историософской озадаченности именовалось им «обывательской точкой зрения». (Характерно, что ту книгу, которую А. М. обдумывал в последние годы и не успел написать, он намерен был посвятить истории в тех новых ракурсах, в которых она открывалась именно с этой точки зрения³). Сама наука становилась для него только одной из специализированных форм, в которой находят воплощение ценности и цели более широкие и универсальные: знание и истина. Наука, согласно умонастроениям А. М. Панченко, может способствовать достижению этих целей и ценностей — и все-таки им не тождественна и должна помнить об этом. Выдающийся ученый, А. М. Панченко никогда не стоял на позициях так называемого сциентизма с его уверенностью в том, что наука всесильна и может достигнуть знания полного и абсолютного. Такого рода иллюзиям противился тут и предмет изучения, прямо указующий на то, что словесное творчество обладает не только интеллектуальным, но и духовно-нравственным значением, как учил протопоп Аввакум, да и сама личность ученого была словно антиподом рационалистической схоластики, рамки позитивистской гносеологии ему были тесны.

Давая понять читателю и собеседнику, что наука — далеко не единственная и не всеобщая форма познания и духовного опыта, хотя делая это с известной осторожностью, не столько главной мыслью, сколько ее дифференциалами, А. М. Панченко не случайно стремился и к максимальной свободе от формальностей научного быта. Многие в этой сфере, и более всего бюрократические стороны научного процесса, было ему в тягость, а нередко вызывало ироническое отталкивание, ироническое преодоление. Это было, думается, еще и поведенческим способом дистанцирования

---

³ Наброски книги увидели свет посмертно и носили заглавие «„Другая история“»; см.: Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: История и культура. СПб., 2005. С. 489—495.

от научности в том узком — корпоративно-специализированном — смысле, о котором уже упоминалось.

Весьма красноречив один пример мемуарного характера. На одном из заседаний Отдела новой русской литературы Пушкинского Дома, где под председательством А. М. Панченко обсуждалась работа на соискание докторской степени, прозвучал и сакраментальный вопрос о том, какого объема должна быть докторская диссертация. (В скобках следует заметить, что ответа на этот вопрос «история не знает». Не знал его и А. М.). Затрудняясь с ответом, он тем не менее позволил себе суждение:

— Вот, например, Платон! — воскликнул А. М. — Найдется ли среди присутствующих кто-либо, кто стал бы возражать против присуждения Платону докторской степени? А ведь большинство его сочинений довольно небольшого объема.

Это, безусловно, реплика с жанровыми признаками академического юмора, но ссылка на Платона показательна для кругозора и мышления А. М. Панченко. С одной стороны, это ссылка на исторический источник высочайшей авторитетности и в этом смысле ссылка научная. С другой стороны, это напоминание о том, что наука содержит в себе возможность превышения себя самой, а в познании есть и нечто большее, чем собственно наука. «Например, Платон».

Подобные пересечения бытовых материй с метафизическими, подробностей обыденного обихода с категориями истории и духовной культуры — не редкость у А. М. Панченко, и это не смешение иерархических уровней бытия, это как раз подтверждение представлений о бытии как сложной системе иерархических отношений, в которой важны как высшие предметы и связи, так и низшие, и не просто важны — неразделимы.

Свою известную работу «Боярыня Морозова — символ и личность» (1979) ученый не без умысла начинает со ссылок на историческую картину В. И. Сурикова. Художник создал на этом большом полотне законченный и цельный образ исторической героини в том виде, в каком он вошел в национальную память, «иконографический канон и исторический тип». ⁴ Мотивы исследовательского очерка А. М. Панченко никак не расходятся с суриковской интерпретацией предания. Более того, на основе письменных свидетельств и документов историография подтверждает здесь достоверность художественного образа старообрядческой мученицы как образа духовного подвижничества. Вместе с тем историко-филологический анализ вносит в этот образ и черты новой сложности, не в последнюю очередь за счет внимания исследователя к биографическим и бытовым частностям. И дух фанатизма был не вполне ее дух, и человеческие страсти и слабости ей не были чужды, и кандалы были другого, чем это изображено у Сурикова, более мучительного устройства, и перед смертью, изнемогая «от глада», она просила у сторожившего ее стрельца «мало сухариков», яблоко или огурчик.

Фактическая и бытовая конкретизация не означает снижения или развенчания символического образа, она его прежде всего — гуманизирует.

---

⁴ Панченко А. М. Боярыня Морозова — символ и личность // Панченко А. М. Русская история и культура. С. 423.

Закономерен поэтому и заключительный вывод работы, в котором существенная особенность научного метода А. М. Панченко предстает в этической проекции: «Человеческая немощь не умаляет подвига. Напротив, она подчеркивает его величие: чтобы совершить подвиг, нужно быть прежде всего человеком».⁵

* * *

Труды А. М. Панченко в наибольшей своей части посвящены словесности и культуре позднего русского средневековья и Петровской эпохи. Выбор этого научного профиля был напрямую связан с теми общественными и культурными условиями, при которых в начале 1950-х гг. происходило вступление будущего ученого в жизнь и в науку и которые требовали поисков духовного убежища и укрытия, того, что он позднее назовет «вынужденным отделением человека от истории». «Хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался» — эта реминисценция из Эпикура, а равно и из письма Стефана Яворского к Димитрию Ростовскому,⁶ нередко появлялась на устах А. М., поясняя его отношение к занятиям Древней Русью как способу побега от социальных невзгод современности. Древняя Русь, по его же признаниям, оказалась страной прекрасной и спасительной.

Из чего не следует, что другие эпохи и явления культурной истории оказывались для него закрыты. Достаточно известно, что исследователь архаических реликтов культуры перед лицом ее позднейших явлений находится — сравнительно со специалистом, к примеру, по модерну — в более выгодном положении, поскольку его точка зрения расположена у начал и истоков и позволяет наблюдать ход вещей издалека. И А. М. Панченко, осознававший в качестве своей научной цели прежде всего адекватное истолкование категорий разных и в особенности иных культур, постоянно размышлял и о «петербургском периоде» отечественного исторического календаря, и о литературной классике XIX в., и об искусстве модерна, и об истории русской революции, на иных своих стадиях одушевлявшейся, по его характеристикам, «и бунтарством, и Евангелием»,⁷ и о послереволюционной истории. Это были для него и предметы, подлежащие обязательному для гуманитария пониманию, а вместе с тем и своеобразные отзвуки и последствия, и отдаленное эхо того развития, которое предопределялось в средние века. Во многом из этого понимания преемственности времен проистекало то чувство единства русского культурно-исторического развития, чувство «вечного процесса», которое в высокой степени отличало А. М. Панченко. Это единство «вечного града» культуры он ощущал и умел наблюдать на любых переломах истории, распознавая его несмотря на ломки, катастрофы, реформации и революции, как будто бы пресекавшие поступательный цивилизационный рост. Корни культуры, полагал ученый, уходят в подпочвенные слои истории и человеческой природы, бо-

⁵ Там же. С. 435.

⁶ См.: [Терновский Ф.] Письма митрополита Стефана Яворского // Тр. Киевской Духовной академии. 1866. № 4. С. 547.

⁷ Панченко А. М. Несколько страниц из истории русской души // Толстой Л. Н. Исповедь. В чем моя вера? Л., 1991. С. 346.

лее глубокие сравнительно с теми слоями, в которых удается «прорубить окна» топорам преобразователей.

Именно на этом основании «„вера в светлое будущее“, крах которой мы сейчас болезненно переживаем», как писал А. М. Панченко в статье «Петр I и веротерпимость» (1990), едва ли не приравнивалась им к почитанию Перуна.⁸

Именно в свете этих представлений сближаются им древнерусская концепция веселья как ритуального попускания земным страстям с целью последующего освобождения от них и, с другой стороны, сюжетные обстоятельства повести Н. С. Лескова «Чертогон» (1879) с ее средостениями между бытовой обыденностью XIX в. и оживающими в ней нравственно-религиозными порывами средневековой души, с ее переходами от безудержного разгула и кутежа к «благодатному сумраку» храма. «В „падениях“ и „восстаниях“ живет русский человек... — завершает ученый свой сопоставительный экскурс. — Такова патриархальная концепция жизни, в которой есть место и возвышенным движениям души, и буйному скомо-рошьему веселью».⁹

Именно это убеждение в незыблемости культурных констант позволило ученому подняться на ту мировоззренческую высоту, с которой становилась доступной пониманию общность не просто крупнейших, но и образующих отечественную историю событий разных веков — Куликовской битвы, Полтавского и Бородинского сражений. Три этих грандиозных исторических подвига, для которых нация собирала все свои материальные и духовные силы, обнаруживают, по А. М. Панченко, таинственные подобию и в том, что это были вынужденные сражения на родной земле и в этом смысле сражения с непреложной нравственной оправданностью, и в том, что государственно-политические результаты этих сражений оказались обретенны не сразу, а спустя время. Но и главнейшим образом в том, что «нация запомнила и сделала символами победы на грани поражений, победы с громадными потерями». «Но это как бы окончательные победы, — утверждал свою мысль исследователь. — Россия, если можно реставрировать ее символическое мышление по литературе, ставит героизм выше одоления, а самопожертвование и самоотречение выше силы».¹⁰

Из области убеждений в непрерывности развития культуры вышла у А. М. Панченко и одна из особенно памятных его теорий, теория «светской святости».¹¹ Преодолевая церковные традиции в строительстве новой, светской, культуры на Руси, усиливая и без того исторически неизбежное разделение культуры и веры, Петр I, рассуждал ученый, приостановил и средневековую традицию святости, выдвигения и почитания святых как духовных наставников. «Приостановление» святости не означало, однако, что народ перестал испытывать потребность в духовном наставничестве. Эта потребность была реализована в создании традиции

⁸ Панченко А. М. Петр I и веротерпимость // Панченко А. М. Русская история и культура. С. 447.

⁹ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 103.

¹⁰ Там же. С. 201.

¹¹ Панченко А. М. Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема // Панченко А. М. Русская история и культура. С. 361-374.

«светской святости», удостоившей ранга национальных духовных вождей великих писателей — Пушкина, Гоголя, Тютчева, Некрасова, Достоевского, Толстого. Почитание великих писателей в Новое время выходит из того же источника, из какого в средние века выходило почитание святых. В устных беседах А. М. прибавлял, что в Новое время в России возникло представление, которого не знала средневековая мудрость и согласно которому кто хорошо пишет, тот за это попадет в рай. Вот это и есть наглядное обнаружение единства культурной истории, однокоренного происхождения слов «начало» и «конец».

Невозможно наряду с прочим обойти молчанием и тему устных бесед А. М. Панченко. Хорошо известно, что он был блестящий собеседник, оратор, лектор и вообще мастер устной словесности. Совершенно не случайно его неизменно, особенно в последние годы, притягивали к себе образы Христа, Будды и Сократа, великих учителей человечества, не оставивших ни единой письменной строчки. Устное слово для А. М. Панченко было запечатлено признаками большей духовной непосредственности, чем письменное, чертами своеобразного духовного первородства. В свете таких интуиций становится понятным, почему ученый ценил устное и легендарное предание да и просто молву не менее высоко, чем исторический письменный документ, почему и его книги как необходимую составляющую включали в себя элемент рассказывания, почему, наконец, ему требовалась не только читательская, но и слушательская аудитория, сначала студенческая, а потом — телевизионная, по сути всероссийская.

Телефильмы и телепрограммы А. М. Панченко доставили ему славу, славу замечательного просветителя и мыслителя вслух, были достойны, помимо широкого зрительского признания, Государственной премии России. «Небывалость — вот непрременный признак культурного события»,¹² — гласит один из вступительных тезисов книги А. М. Панченко «Русская культура в канун петровских реформ», и эта культурологическая характеристика вполне может быть переадресована его телевизионным выступлениям. Мы, однако, ошибемся, если будем толковать эту сферу деятельности ученого как популяризаторство. Конечно, наука принимала здесь облик проповеди, хотя популяризаторства в смысле снижения уровня и сложности мысли и слова в этом совсем не было. Язык телевизионного говорения А. М. Панченко мало чем отличался от языка его лучших сочинений. И в этом являла себя некоторая загадочность. Научный текст, в известном смысле эзотерический текст специалиста, оказывался воспринят огромной аудиторией российского культурного сословия. Словом А. М. Панченко гуманитарная наука, не переставая быть академической и высокой, смогла добиться внимания общества. И это не просто вдохновляющий пример, это надежда нашей профессии.

---

¹² *Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. С. 3.*